

Научная статья | Original paper

Взаимосвязь тревожности с типом потребляемого цифрового контента в старшем дошкольном возрасте

Д.А. Бухаленкова^{1, 2}, М.Ш. Михитаева² ✉

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

✉ mikhitaevam@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В условиях активной цифровизации современного общества дошкольники регулярно взаимодействуют с цифровым контентом, включая контент, не соответствующий возрастным нормам. Несмотря на широкую распространенность данной практики, проблема взаимосвязи детской тревожности с типом потребляемого цифрового контента у детей дошкольного возраста остается недостаточно изученной, что подчеркивает научную и практическую актуальность настоящего исследования. **Цель.** Выявление взаимосвязей между тревожностью и типом потребляемого цифрового контента у детей старшего дошкольного возраста. **Гипотеза.** У детей, потребляющих цифровой контент, не соответствующий возрасту, более высокий уровень тревожности, чем у детей, не потребляющих подобный контент. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 155 детей в возрасте 6–7 лет ($M = 6,8$; $Sd = 0,29$), воспитанники подготовительных групп детских садов г. Москвы, среди них 49,7% мальчиков, а также 60 мам дошкольников. В ходе исследования с детьми было проведено полуструктурированное интервью о потребляемом контенте, а также Тест тревожности (Тэмпл, Дорки, Амен, 2002). Родителям было предложено заполнить Опросник на определение уровня тревожности у детей (Лаврентьева, Титаренко, 1992). **Результаты.** На основе ответов, полученных от дошкольников в ходе интервью, все дети были разделены на три группы по типу потребляемого контента. Было установлено, что в группе детей, потребляющих контент, не соответствующий возрасту, значимо больше дошкольников с высоким уровнем тревожности, чем в группе детей, не потребляющих подобный контент. Кроме того, было обнаружено, что среди детей, потребляющих не соответствующий возрасту контент, а также среди детей, имеющих более высокий уровень тревожности, значимо больше мальчиков, чем девочек. **Выводы.** Проведенное исследование подтвердило наличие связи между потреблением не соответствующего возрасту цифрового контента и более высокими показателями тревожности у дошкольников.

Ключевые слова: дошкольный возраст, тревожность, цифровые устройства, цифровой контент, медиаконтент, видеоигры

Для цитирования: Бухаленкова, Д.А., Михитаева, М.Ш. (2026). Взаимосвязь тревожности с типом потребляемого цифрового контента в старшем дошкольном возрасте. *Психологическая наука и образование*, 31(3), 50–63. <https://doi.org/10.17759/pse.2026310304>

The relationship between anxiety and the type of digital content consumed in the older preschool age

D.A. Bukhalenkova^{1, 2}, M.Sh. Mikhitaeva² ✉

¹ Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ mikhitaevam@gmail.com

Abstract

Context and relevance. In the context of the active digitalization of modern society, preschoolers regularly interact with digital content, including material that is age-inappropriate. Despite the widespread use of digital media, the relationship between childhood anxiety and the type of content consumed by preschool children remains insufficiently studied, which highlights the scientific and practical relevance of this study. **Objective.** Identification of the interrelationships between anxiety and the type of digital content consumed in older preschool children. **Hypothesis.** Children who consume age-inappropriate digital content have higher levels of anxiety than children who do not consume such content. **Methods and materials.** The study involved 155 children aged 6–7 years ($M = 6,8$; $SD = 0,29$), pupils of preparatory groups of kindergartens in Moscow, among them 49,7% boys, as well as 60 mothers of preschoolers. During the study, a semi-structured interview was conducted with children about the content consumed, as well as an anxiety test (Tamml, Dorky, Amen, 2002). Parents were asked to complete a questionnaire to determine the level of anxiety in children (Lavrentieva, Titarenko, 1992). **Results.** Based on the responses received from preschoolers during the interview, all children were divided into three groups according to the type of content consumed. It was found that in the group of children who consume age-inappropriate content, there are significantly more preschoolers with high levels of anxiety than in the group of children who do not consume such content. In addition, it was found that among children who consume age-inappropriate content, as well as among children with higher levels of anxiety, there are significantly more boys than girls. **Conclusions.** The study confirmed the link between the consumption of age-inappropriate digital content and higher rates of anxiety in preschoolers.

Keywords: preschool age, anxiety, digital devices, digital content, media content, video games

For citation: Bukhalenkova, D.A., Mikhitaeva, M.Sh. (2026). The relationship between anxiety and the type of digital content consumed in the older preschool age. *Psychological Science and Education*, 31(3), 50–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2026310304>

Введение

В настоящее время дошкольники активно пользуются цифровыми устройствами (Nikolaeva et al., 2023; Guseva, Bukhalenkova, Morozova, 2025): смотрят фильмы, мультфильмы, развлекательные и познавательные видео, а также играют в видеоигры (Chu et al., 2024; Edwards, 2023). Однако в дошкольном возрасте дети все еще не обладают достаточным уровнем рефлексии (Веракса и др., 2023), что делает их особенно чувствительными к потребляемому контенту.

Ситуация усложняется в контексте изменений цифровой среды современных дошкольников. Если раньше дети смотрели телепередачи с экспертной проверкой и возрастной маркировкой, то сейчас большую популярность приобретают онлайн-видеоплатформы (например, Rutube и аналоги), где контент загружается без строгого контроля (Henderson et al., 2024). Это приводит к появлению большого количества низкачественного контента, не имеющего информации о возрастных ограничениях. Внешне безобидное видео или мультфильм может иметь не соответствующее возрасту содержание, включать сцены жестокости и насилия (Henderson et al., 2024; Radesky et al., 2024; Pattee, 2022). Такие изменения в цифровой социализации современных дошкольников создают новые риски для эмоционального благополучия детей, что требует специального изучения и разработки профилактических мер. В связи с этим целью данного исследования стало выявление взаимосвязей между тревожностью и потребляемым контентом у детей старшего дошкольного возраста.

Тревожность в старшем дошкольном возрасте

Для детей дошкольного возраста наиболее характерна ситуативная тревожность, возникающая как кратковременная реакция на конкретные стрессовые события (Прихожан, 2007). Она выступает сигналом о потенциальной угрозе, который указывает на

возможные трудности на пути к достижению цели, способствуя мобилизации сил для ее преодоления. В случаях, когда тревожность превышает оптимальный уровень, это приводит к дезадаптации: ребенок теряет способность эффективно действовать и контролировать свое поведение (Прихожан, 2007).

Тревожность как устойчивое личностное свойство формируется постепенно и редко встречается у детей дошкольного возраста (Прихожан, 2007). Однако если ребенок в процессе взросления начинает воспринимать достаточно широкий круг ситуаций в качестве угрожающих и систематически реагирует на них тревогой, эти переживания со временем закрепляются и перерастают в личностную черту. Согласно А.М. Прихожан (2007), основной причиной формирования тревожности является негативный эмоциональный опыт: ребенок фиксируется на неудачах, а ситуации стресса закрепляют тревогу. Важную роль в процессе формирования тревожности играют изменения в семейной ситуации, непоследовательное воспитание и социальная нестабильность (Прихожан, 2007; Казакова, Соколова, 2021). При этом качество потребляемого дошкольниками контента также может оказывать эмоционально травмирующее действие и быть фактором развития тревожности и страхов у детей, поскольку потребление цифрового контента приобрело систематический характер для современных дошкольников (Nikolaeva et al., 2023; Курганский, Гурьянова, Храмцов, 2023), а сами дети и их родители не всегда выбирают качественный, соответствующий возрасту контент (Проект и др., 2025; Смирнова, Клопотова, 2023).

Взаимосвязь детской тревожности с потреблением цифрового контента

Цифровой контент, с которым взаимодействует ребенок, можно разделить на соответствующий и не соответствующий его возрасту. Под не соответствующим возрасту контентом понимается контент, причиняющий вред здоровью и развитию детей (Федераль-

ный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ). Такой контент, будучи сложным для понимания дошкольниками, создает условия потенциальной угрозы, что может приводить к увеличению количества страхов и высокому уровню тревожности ребенка (Kim et al., 2020; Kruuse, Kalmus, 2016; Pearce, Field, 2015).

В своем метаанализе Pearce и Field (2015) обратили внимание на понятие «страшного» контента и определили его как медиаконтент, который изображает ситуации и события, в которых существует социальная, межличностная, физическая или психологическая реальная или воображаемая угроза. У детей от 3 до 8 лет чаще всего страх вызывают визуально гротескные персонажи, такие существа, как призраки, ведьмы и монстры (Wilson, 2008). Хотя чувство страха выполняет важные функции, способствуя эмоциональному развитию ребенка (Шиян, 2022; Reynolds, Zipes, 2008), систематическое потребление пугающего цифрового контента, не сопровождаемое эмоциональной поддержкой и объяснениями взрослого, повышает риск развития устойчивой тревожности (Rideout, Robb, 2020).

На данный момент исследований связи тревожности с типом потребляемого контента в дошкольном возрасте крайне мало. Метаанализ Pearce, Field (2015) выявил небольшой, но значимый эффект воздействия «страшного» контента на такие эмоции, как страх, тревожность и грусть, у детей до 10 лет (Pearce, Field, 2015).

В ряде исследований на близкой по возрасту выборке детей младшего школьного возраста было обнаружено, что дети могут воспринимать просмотренный видеоконтент, включая вымышленные сюжеты и псевдорелистичные сцены, такие как криминальные фильмы, как лично значимую угрозу (Kruuse, Kalmus, 2016; Valkenburg, 2000). Исследование Korhonen и Lahikainen (2008) ранее выявило, что 80% детей 5–6 лет испытывали страхи после телепросмотра, однако за 10 лет (1993–2003) произошло значительное увеличение количества страхов, вызванных детскими программами и фантастическими

персонажами, и значительное снижение числа страхов, вызванных программами, предназначенными для взрослых. Авторы связали это с ростом числа детских передач, передаваемых по телевидению, увеличением в них сцен насилия, а также снижением родительского контроля — предоставляя детям свободу в выборе мультфильмов и телепередач, родители не предполагали, что их содержание может оказаться пугающим и не соответствующим возрасту (Korhonen, Lahikainen, 2008).

Проведенный теоретический обзор позволяет заключить, что немногочисленные исследования указывают на наличие связей между повышенным количеством страхов у ребенка и потреблением не соответствующего возрасту, пугающего контента (Kruuse, Kalmus, 2016; Pearce, Field, 2015; Korhonen, Lahikainen, 2008), однако подобных исследований в отношении уровня тревожности у дошкольников практически нет. В связи с этим целью данного исследования стало выявление взаимосвязей между тревожностью и потребляемым контентом у детей старшего дошкольного возраста. Поскольку количество и интенсивность страхов в этом возрасте влияет на формирование тревожности как более устойчивого эмоционального состояния, мы сформулировали гипотезу о том, что у детей, потребляющих контент, не соответствующий возрасту, более высокий уровень тревожности, чем у детей, не потребляющих подобный контент.

Материалы и методы

Выборка

В исследовании приняли участие 155 детей в возрасте 6–7 лет ($M = 6,8$; $Sd = 0,29$), воспитанники подготовительных групп детских садов г. Москвы, среди них 49,7% мальчиков. Участниками исследования также стали 60 мам данных дошкольников.

Методы

Для изучения особенностей потребления дошкольниками цифрового контента было разработано полуструктурированное

интервью, которое включало вопросы о просмотре видеоконтента и аналогичные им по смыслу об игре в цифровые игры:

1. Используешь ли ты компьютер/телефон/планшет? Для чего используешь?

2. Во что ты любишь играть на компьютере/планшете/телефоне? / Что ты любишь смотреть? (Мы просили детей прояснить названия, жанры и рассказать о содержании цифрового контента).

3. Играешь ли ты в страшные игры? / Смотришь ли ты страшные фильмы/мультфильмы/видео?

Если ребенок отвечал утвердительно, то ему задавали дополнительные уточняющие вопросы:

а. Тебе нравится играть в страшные игры / смотреть страшные фильмы/мультфильмы/видео? Почему?

б. В какие страшные игры ты играешь? Что в них нужно делать? / Какие страшные фильмы/мультфильмы/видео ты смотришь? Что в них происходит?

с. Как часто ты играешь в страшные игры / смотришь страшные фильмы/мультфильмы/видео? (Если ребенку было трудно ответить или он отвечал непонятно, то мы уточняли, происходит ли это каждый день или сколько раз в неделю/месяц).

Данный метод сбора данных о потребляемом контенте использовался в связи с тем, что он позволяет получить информацию о личном опыте и предпочтениях самого ребенка в цифровой среде.

Для оценки уровня тревожности дошкольников были использованы следующие методы:

Тест тревожности (Тэммл, Дорки, Амен, 2002). В данной методике детям предъявляются 14 рисунков, которые представляют некоторую типичную для их жизни ситуацию. На рисунках изображены дети, прорисован контур головы, но не видно лица. Ниже представлены два детских лица: радостное и печальное. Ребенку необходимо выбрать подходящее для данной ситуации лицо. На основании данных протокола вычисляется индекс тревожности ребенка (ИТ), который

равен процентному отношению числа эмоционально негативных выборов (печальное лицо) к общему числу рисунков. В зависимости от уровня ИТ дети подразделяются на 3 группы: высокий уровень тревожности (ИТ выше 50%); средний уровень тревожности (ИТ от 20 до 50%); низкий уровень тревожности (ИТ от 0 до 20%).

Опросник на определение уровня тревожности у детей (Лаврентьева, Титаренко, 1992) был предложен родителям дошкольников. Опросник включает в себя 20 утверждений, на которые можно ответить положительно в случае согласия и отрицательно в случае несогласия. По итогам проведения методики подсчитывается суммарное количество положительных ответов и определяется соответствующий уровень тревожности: 1–6 баллов — низкий уровень, 7–14 баллов — средний уровень, 15–20 баллов — высокий уровень тревожности.

Процедура исследования

Диагностика с каждым ребенком проводилась индивидуально в тихом помещении от 15 до 20 минут. Сначала с ребенком проводилось полуструктурированное интервью, затем проводился Тест тревожности (Тэммл, Дорки, Амен, 2002).

Родительские опросники на определение уровня тревожности у детей распространялись через воспитателей групп и заполнялись родителями добровольно в удобное для них время, что обусловило возврат опросников лишь для части выборки (N = 60).

Статистический анализ

Статистический анализ проводился в программе SPSS 27.0. При помощи критерия хи-квадрат Пирсона (χ^2) были проверены связи между полом, уровнем тревожности и типом потребляемого контента. С помощью критерия Манна-Уитни (U) были проверены различия в оценках тревожности между родителями и детьми. Критерий Краскела-Уоллиса (H) использовался для сравнения выраженности тревожности между группами детей, потребляющими различные типы контента.

Результаты

Результаты анализа потребляемого дошкольниками цифрового контента

В результате интервью о потребляемом контенте были проанализированы ответы как на вопросы о том, что дети предпочитают смотреть/играть, так и на вопросы о страшном цифровом контенте. На основании данных ответов дети были распределены на три группы по типу потребляемого контента.

1) Не потребляющий не соответствующий возрасту контент — 27,1%. Характерным для детей в данной группе был просмотр детских мультфильмов от 0+ до 6+ (например, «Три кота», «Смешарики»), а также игра в цифровые игры той же возрастной категории (например, «Том за золотом», «Hot Wheels») и использование развивающих приложений (Шахматы, Математические игры).

2) Потребляют не соответствующий возрасту контент, возрастные ограничения которого не превышают отметки 12+ — 36,8%. В данной группе дети, как правило, упоминали фильмы/мультфильмы/видео и игры, которые не содержат элементов, которые могли бы вызвать сильную эмоциональную реакцию ребенка и напугать его, однако в них встречаются не особенно детализированные и реалистичные сцены драк и убийств, которые все же не предназначены для просмотра детьми 6–7 лет (например, мультфильм «Гравити Фолз», фильмы Marvel, «Трансформеры», игры «Minecraft», «Brawl Stars»).

3) Потребляют не соответствующий возрасту контент, возрастные ограничения которого начинаются с отметки 16+, а также потребляют контент в жанрах хоррор и/или шутер — 36,1%. Дети из данной группы чаще называли просматриваемые фильмы и видео, значительно реже упоминая мультфильмы (например, «Слово пацана» (18+), «Сумерки» (16+), «Кокаиновый медведь» (18+)). Говоря об играх, дошкольники из данной группы часто упоминали игры в жанрах хоррор («Poppy PlayTime», «Hello Neighbor», «Granny») и шутер («Standoff», «GTA», «Mortal Combat»).

Данное распределение было получено путем анализа ответов детей на вопросы о потребляемом видеоконтенте и на вопросы о потребляемом игровом контенте отдельно. В случае, если ребенок на вопросы о видео- и игровом контенте давал ответы, соответствующие различным категориям, его относили к категории детей, имеющей более высокое возрастное ограничение (например, если ребенок говорил о том, что смотрит сериал «Слово пацана» (18+) и играет в игру Roblox (12+), его относили к группе детей, потребляющих не соответствующий возрасту контент 16+).

Было установлено, что среди детей, потребляющих не соответствующий возрасту контент, значимо больше мальчиков, чем девочек ($\chi^2 = 20,243$, $p = 0,000$) (см. табл. 1).

Результаты оценки уровня тревожности у дошкольников

По результатам проведения Теста на тревожность к низкому уровню тревожности были отнесены 2,6% выборки; к среднему — 67,6%; к высокому — 29,7%. В связи с тем, что группа детей с низким уровнем тревожности получилась очень малочисленной, она не могла быть включена в дальнейший анализ при помощи критерия Хи-квадрат Пирсона.

В результате проведения анализа распределения частот между детьми, имеющими средний и высокий уровни тревожности, были обнаружены значимые половые различия: среди детей с высоким уровнем тревожности оказалось значимо больше мальчиков, чем девочек ($\chi^2 = 4,280$; $p = 0,039$) (см. табл. 2).

По результатам проведения Опросника для родителей на определение уровня тревожности, родители в среднем выделяли у своих детей 6 различных проявлений тревожности из 20 возможных ($M = 6,08$; $Sd = 4,364$). Согласно нормам, выделенным Г.П. Лаврентьевой и Т.М. Титаренко (1992), к низкому уровню тревожности были отнесены 52,5% детей, к среднему — 45,8% и высокому — 1,7%. В связи с тем, что к группе с высоким уровнем тревожности был отнесен

Таблица 1 / Table 1

**Распределение мальчиков и девочек на группы на основании
ответов о потребляемом контенте (%)**

Distribution of boys and girls into groups based on responses about consumed content (%)

Дошкольники, которые потребляют / Preschoolers who consume:	Мальчики / Boys	Девочки / Girls
Контент, соответствующий возрасту / Age-appropriate content	14,3	39,7
Контент 12+ / Content 12+	33,8	39,7
Контент 16+ / Content 16+	51,9	20,5

Таблица 2 / Table 2

Половые различия по уровням тревожности (%)
Gender differences in anxiety levels (%)

Уровень тревожности / Anxiety level	Мальчики / Boys	Девочки / Girls
Средний / Middle	61,8	77,3
Высокий / High	38,2	22,7

только один человек, анализ различий был проведен с использованием сырых баллов по данной методике. В результате анализа не было обнаружено значимых различий в количестве проявлений тревожности, отмеченных родителями, у детей с разным уровнем тревожности ($U = 70,000$; $p = 0,457$), что говорит об отсутствии взаимосвязи результатов, полученных с помощью Опросника для родителей и Теста тревожности.

**Анализ взаимосвязей между
тревожностью и потреблением
несоответствующего возрасту контента**

Для проверки гипотезы о связи уровня тревожности с потреблением несоответствующего возрасту контента был выполнен анализ распределения частот между детьми со

средним или высоким уровнем тревожности, просматривающими разные типы контента. Были обнаружены значимые различия: дети с высоким уровнем тревожности чаще потребляют не соответствующий возрасту контент ($\chi^2 = 19,400$, $p = 0,000$) (см. табл. 3).

Кроме того, не было выявлено значимых различий в количестве проявлений тревожности (по Опроснику для родителей) между группами детей, потребляющими различные типы контента (критерий Краскела-Уоллиса, $N = 1,100$, $p = 0,576$).

Обсуждение результатов

Результаты проведенного с детьми структурированного интервью указывают, что больше половины современных дошкольников потребляют не соответствующий воз-

Таблица 3 / Table 3

Распределение детей по уровням тревожности и потребляемому контенту (%)
Distribution of children by anxiety levels and content consumed (%)

Дошкольники, которые потребляют / Preschoolers who consume:	Уровень тревожности / Anxiety level	
	Средний / Middle (N = 109)	Высокий / High (N = 45)
Контент, соответствующий возрасту / Age-appropriate content	32,4	13,0
Контент 12+ / Content 12+	41,9	23,9
Контент 16+ / Content 16+	25,7	63,0

расту контент, что еще раз подчеркивает важность и актуальность изучения его влияния на эмоциональное развитие детей.

В исследовании проверялось предположение о том, что у детей, потребляющих контент, не соответствующий возрасту, более высокий уровень тревожности, чем у детей, не потребляющих подобный контент. Полученные результаты свидетельствуют в пользу данной гипотезы: потребление не соответствующего возрасту контента оказалось значимо связано с высоким уровнем тревожности у дошкольников. Среди детей, потребляющих контент 16+, более половины имеют высокий уровень тревожности. Мы предполагаем, что дети при взаимодействии с пугающим видео- и игровым контентом могут воспринимать вымышленные истории за реальные и чувствовать потенциальную угрозу (Kruuse, Kalmus, 2016; Pearce, Field, 2015; Andersen et al., 2020). Предыдущие исследования свидетельствуют о том, что, будучи погруженным в сюжет, дошкольник может испытывать глубокие переживания страха и тревожности, сталкиваясь с реалистичными угрозами, насилием и жестокостью в кадре (Kruuse, Kalmus, 2016; Pearce, Field, 2015). Вместе с тем корреляционный дизайн исследования не позволяет установить причинно-следственную направленность связей. Обнаруженная взаимосвязь допускает альтернативные интерпретации: возможно, дети с изначально высоким уровнем тревожности целенаправленно выбирают более пугающий контент как способ совладания с эмоциональным напряжением (Taranu et al., 2025; Milani et al., 2020). Кроме того, нельзя исключить влияние третьих переменных, таких как стиль семейного воспитания или особенности темперамента ребенка, которые могут одновременно влиять и на уровень тревожности, и на выбор цифрового контента (Fitzpatrick et al., 2024; Руднова и др., 2023).

Результаты, полученные с помощью Опросника для родителей на определение уровня тревожности (Лаврентьева, Титаренко, 1992), не выявили значимых различий в

выраженности тревожности у дошкольников в зависимости от типа потребляемого контента, а также не показали согласованности с Тестом на тревожность, проведенном на дошкольниках. Это можно объяснить тем, что тревожность, будучи состоянием, переживаемым в первую очередь внутренне, может оставаться не замеченной родителями (Прихожан, 2007; Захаров, 2000; Pearce, Field, 2015). Помимо этого, данные от родителей были получены лишь для небольшой части выборки (N = 60), что показывает необходимость дальнейшей проверки полученных результатов на более репрезентативной выборке. Кроме того, Опросник для родителей также требует дальнейшей апробации и дополнительной проверки валидности (Иванова, Евтушенко, Артеменко, 2021; Корабельникова, 2020).

Также результаты проведенного исследования показали, что уровень тревожности значимо выше у мальчиков, чем у девочек. Ранее отечественными и зарубежными исследователями было показано, что девочки в старшем дошкольном возрасте имели, как правило, более высокий уровень тревожности, чем мальчики (Прихожан, 2007; Захаров, 2000; Muris et al., 2000). На наш взгляд, данный результат может быть связан с еще одним выявленным половым различием: мальчики значимо чаще, чем девочки, согласно их ответам, потребляют не соответствующий возрасту контент (особенно 16+). Таким образом, можно предположить, что именно потребление не соответствующего возрасту контента может быть причиной выявленных половых различий. Однако сделать вывод об однозначной причинно-следственной связи в данном случае нельзя. Возможно, мальчики чаще, чем девочки, рассказывали про потребление «страшного» контента, так как для них это может выступать способом демонстрации «взрослости» и храбрости, а девочки могли умалчивать о подобном цифровом опыте в силу социальной желательности (Qiu, Yoke, 2024). Тем не менее в ходе беседы четверть детей упоминала о своих кошмарных снах,

в которых фигурировали персонажи игр в жанре хоррор (Мишка Фредди, Бабка Грени, Сереноголовый и др.), что подтверждает их реальное знакомство с соответствующим цифровым контентом.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило предположение о том, что у детей, потребляющих контент, не соответствующий возрасту, более высокий уровень тревожности, чем у детей, не потребляющих подобный контент. Обнаружена положительная связь между уровнем тревожности и потреблением не соответствующего возрасту цифрового контента у детей старшего дошкольного возраста. Также было установлено, что мальчики значимо чаще, чем девочки, потребляют не соответствующий возрасту контент, а также демонстрируют более высокий уровень тревожности.

Результаты данного исследования, а также проведенного теоретического обзора позволили нам сформулировать некоторые рекомендации для родителей и педагогов.

Во-первых, при выборе видео- и игрового контента для ребенка важно порекомендовать обращать внимание на возрастные маркировки. Оптимальным для потребления дошкольниками является контент с возрастными маркировками до 6+. В случае отсутствия подобной маркировки рекомендуется самостоятельное изучение содержания фильма/мультфильма/видео или игры: необходимо обращать внимание на наличие сцен жестокости и насилия, ненормативной и грубой лексики, эмоциональных напряженных сцен (пугающие образы, тревожная музыка, скринеры). При использовании ребенком современных видео- и игровых онлайн-платформ (Rutube, Roblox, Яндекс игры и др.) рекомендуется изучить возможности родительского режима, чтобы скрыть от ребенка видео или игры, предназначенные для взрослых и имеющие соответствующие возрастные ограничения.

Во-вторых, важен совместный просмотр и цифровые игры с ребенком — это позволит

родителям вовремя пояснить непонятные или пугающие ребенка моменты, что поможет снизить напряжение и возможность возникновения страхов.

Ограничения. Проведенное нами исследование имеет некоторые ограничения. Во-первых, выборка была ограничена воспитанниками детских садов г. Москвы, что сужает возможности обобщения результатов в силу специфики крупного мегаполиса.

Во-вторых, в исследовании не были учтены некоторые дополнительные переменные. Так, в исследовании не учитывались факторы экранного времени и родительской медиации, которые могут опосредовать выявленные взаимосвязи (Белова, Шумакова, 2024; Руднова и др., 2023; Wu et al., 2025). Кроме того, в исследовании не были учтены некоторые личностные факторы, которые могут также влиять на взаимосвязь типа контента и уровня тревожности у детей. В исследовании стоило бы учитывать тип темперамента дошкольников, который может быть связан с их впечатлительностью и степенью влияния на них не соответствующего возрасту контента (Руднова, Корниенко, 2023; Liu, Bell, 2020; Fitzpatrick et al., 2024). К тому же на данную взаимосвязь может влиять тип их привязанности: дети с ненадежным типом привязанности чаще демонстрируют повышенную тревожность, трудности в эмоциональной регуляции и более острую реакцию на стрессовые факторы (Савченко, Петракова, Сиян, 2025; Куфтяк, 2020). Наконец, в исследовании не контролировались показатели познавательного развития дошкольников, влияющие на понимание содержания и сюжета цифрового контента. Дети с более высоким познавательным развитием лучше отличают фантастический сюжет от реального, понимают причинно-следственные связи и могут прогнозировать окончание страшной сцены, что снижает выраженность страха при столкновении с пугающим контентом (Собкин и др., 2025; Запорожец, 1986; Valkenburg et al., 2000).

В-третьих, данные о потребляемом цифровом контенте, собранные методом

интервью, могут быть не вполне надежными и достоверными. Отвечая на прямые вопросы о «страшном» цифровом контенте, дошкольники могли несколько искажать информацию. С одной стороны, дети могли называть популярные среди сверстников и окружающих взрослых фильмы/видео или игры, с которыми не были знакомы на самом деле, а с другой — умалчивать о потребляемом «взрослом» или «страшном» контенте в силу социальной желательности. При этом сбор информации о потребляемом детьми контенте у родителей также имеет ограничения, связанные с еще большей, чем у детей, социальной желательностью, а также зачастую с незнанием того, что смотрят их дети (Türen, Bağçeli Kahraman, 2025). В связи с этим мы считаем выбранный нами способ получения информации о потребляемом дошкольниками контенте наиболее подходящим для данного исследования.

Перспективы дальнейших исследований связаны с включением в анализ дополнительных переменных, таких как экранное время, родительская медиация, тип темперамента ребенка и др. Кроме того, полученные результаты требуют проверки на более репрезентативных, учитывающих социокультурное разнообразие, выборках.

Limitations. Our study has several limitations. First, the sample was limited to kindergarten students from Moscow, which narrows the possibilities for generalizing the results due to the specific characteristics of a large metropolis.

Second, some additional variables were not accounted for in the study. For instance, the study did not consider factors of screen time and parental mediation, which may mediate the identified relationships (Belova, Shumakova, 2024; Rudnova et al., 2023; Wu et al., 2025). Furthermore, some personal factors that could also influence the relationship between the type of content and the level of anxiety in children were not considered. The study should have accounted for the type of temperament of preschoolers, which may be

related to their impressionability and the degree of influence of age-inappropriate content on them (Rudnova, Kornienko, 2023; Liu, Bell, 2020; Fitzpatrick et al., 2024). Moreover, the type of their attachment may influence this relationship: children with an insecure attachment type more often demonstrate increased anxiety, difficulties in emotional regulation, and a more acute reaction to stressful factors (Savchenko, Petrakova, Siyan, 2025; Kuftyak, 2020). Finally, the study did not control for indicators of preschoolers' cognitive development, which affect the understanding of the content and plot of digital content. Children with higher cognitive development are better at distinguishing a fantastic plot from a real one, understand cause-and-effect relationships, and can predict the end of a scary scene, which reduces the intensity of fear when encountering frightening content (Sobkin et al., 2025; Zaporozhets, 1986; Valkenburg et al., 2000).

Third, the data on consumed digital content collected by the interview method may not be completely reliable and valid. When answering direct questions about “scary” digital content, preschoolers could distort information. On the one hand, children could name films/videos or games popular among their peers and surrounding adults that they were not really familiar with, and on the other, they could keep silent about the “adult” or “scary” content consumed due to social desirability. At the same time, collecting information about the content consumed by children from parents also has limitations related to even greater social desirability bias than among children, as well as parents often not knowing what their children are watching (Türen, Bağçeli Kahraman, 2025). In this regard, we consider our chosen method of obtaining information about the content consumed by preschoolers to be the most appropriate for this study.

Prospects for further research are associated with the inclusion of additional variables in the analysis, such as screen time, parental mediation, the child's temperament type, etc. In addition, the obtained results require verification on more representative samples that account for sociocultural diversity.

Список источников / References

1. Амен, В., Тэмпл, Р., Дорки, М. (2002). Тест тревожности: Прил. к кн. «Практикум по возрастной психологии». СПб.: Речь.
Amen, V., Tammle, R., Dorki, M. (2002). Anxiety test: App. to the book «Workshop on developmental psychology». St. Petersburg: Rech. (In Russ.).
2. Белова, Е.С., Шумакова, Н.Б. (2024). Игровое взаимодействие старшего дошкольника с родителями как ресурс развивающей среды в условиях цифровизации. *Современное дошкольное образование*, 18(4), 24–36. <https://doi.org/10.24412/2782-4519-2024-4124-24-36>
Belova, E.S., Shumakova, N.B. (2024). Playful interaction of senior preschoolers with parents as a resource of the developing microenvironment in the context of digitalization. *Preschool Education Today*, 18(4), 24–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2782-4519-2024-4124-24-36>
3. Веракса, Н.Е., Айрапетян, З.В., Алмазова, О.В., Тарасова, К.С. (2023). Лонгитюдное исследование понимания смешанных эмоций детьми 5–6 и 7–8 лет: когнитивный аспект. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(1), 152–174. <https://doi.org/10.11621/vsp.2023.01.07>
Veraksa, N.E., Airapetyan, Z.V., Almazova, O.V., Tarasova, K.S. (2023). Longitudinal study of mixed emotions understanding in children aged 5–6 and 7–8: Cognitive aspect. *Moscow University Psychology Bulletin*, 46(1), 152–174. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2023.01.07>
4. Запорожец, А.В. (1986). Психология восприятия ребенком-дошкольником литературного произведения. В: В.В. Давыдов, В.П. Зинченко (Ред.), *Избранные психологические труды. Том 1. Психическое развитие ребенка* (с. 66–77). М.: Педагогика.
Zaporozhets, A.V. (1986). Psychology of preschool children's perception of literary works. In: V.V. Davydov, V.P. Zinchenko (Ed.), *Selected psychological works. Vol. 1. Child mental development* (pp. 66–77). Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
5. Захаров, А.И. (2000). Дневные и ночные страхи у детей. СПб.: СОЮЗ.
Zakharov, A.I. (2000). Day and night fears in children. St. Petersburg: SOYUZ. (In Russ.).
6. Иванова, И.Ю., Евтушенко, И.Н., Артеменко, Б.А. и др. (2021). Психолого-педагогическая коррекция страхов детей старшего дошкольного возраста. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 10(4), 321–327. <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1004-0075>
Ivanova, I.Yu., Evtushenko, I.N., Artemenko, B.A. et al. (2021). Psychological and pedagogical correction of fears in senior preschool children. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 10(4), 321–327. (In Russ.). <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1004-0075>
7. Казакова, Е.В., Соколова, Л.В. (2021). Сравнительный анализ эмоционального здоровья первоклассников при разных стилях семейного воспитания. *Российский психологический журнал*, 18(4). <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.2>
Kazakova, E.V., Sokolova, L.V. (2021). Comparative analysis of emotional health of first-graders with different family upbringing styles. *Russian Psychological Journal*, 18(4). (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.2>
8. Корабельникова, Е.А. (2020). Тревожные расстройства у детей с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью. *РМЖ. Мать и дитя*, 3(4), 302–308. <https://doi.org/10.32364/2618-8430-2020-3-4-302-308>
Korabelnikova, E.A. (2020). Anxiety disorders in children with attention deficit hyperactivity disorder. *Russian Journal of Woman and Child Health*, 3(4), 302–308. (In Russ.). <https://doi.org/10.32364/2618-8430-2020-3-4-302-308>
9. Курганский, А.М., Гурьянова, М.П., Храмов, П.И. (2023). Медицинские и социально-педагогические риски использования детьми младшего школьного возраста цифровых устройств: эмпирическое исследование. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 20(3), 501–525. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-3-501-525>
Kurgansky, A.M., Guryanova, M.P., Khramtsov, P.I. (2023). Medical and socio-pedagogical risks of digital device use by primary school children: An empirical study. *RUDN journal of psychology and pedagogics*, 20(3), 501–525. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-3-501-525>
10. Куфтяк, Е.В., Задорова, Ю.А. (2020). Привязанность дошкольников к матери и ее влияние на психическое здоровье. *Клиническая и специальная психология*, 9(1), 169–185.
Kuftyak, E.V., Zadorova, Yu.A. (2020). Preschoolers' attachment to mother and its impact on mental health. *Clinical Psychology and Special Education*, 9(1), 169–185. (In Russ.).
11. Лаврентьева, Г.П., Титаренко, Т.М. (1992). *Практическая психология для воспитателя*. Киев.

- Lavrenteva, G.P., Titarenko, T.M. (1992). Practical psychology for educators. Kiev. (In Russ.).
12. Прихожан, А.М. (2007). Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. Воронеж: МОДЕК.
Prihozhan, A.M. (2007). Anxiety in children and adolescents: Psychological nature and age dynamics. Voronezh: MODEK. (In Russ.).
13. Проект, Ю.Л., Спасская, Е.Б., Иванушкина, Н.О., Сидненко, Е.В. (2025). Запретить нельзя использовать: разработка, предварительная валидизация и апробация опросника родительской позиции в медиации цифрового поведения школьников. *Психология человека в образовании*, 7(2), 165–183. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-165-183>
Proekt, Yu.L., Spasskaya, E.B., Ivannushkina, N.O., Sidnenko, E.V. (2025). Building vs. Banning: Development, preliminary validation and evaluation of a parental mediation questionnaire for schoolchildren's digital behavior. *Psychology in Education*, 7(2), 165–183. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-165-183>
14. Руднова, Н.А., Корниенко, Д.С. (2023). Контекстуальный подход к описанию характеристик темперамента дошкольника: роль образовательной среды. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика*, 4.
Rudnova, N.A., Kornienko, D.S. (2023). Contextual approach to describing preschooler's temperament characteristics: The role of educational environment. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 4. (In Russ.).
15. Руднова, Н.А., Корниенко, Д.С., Волкова, Е.Н., Исаева, О.М. (2023). Цифровая родительская медиация и ее связь с показателями психологического благополучия детей школьного возраста. *Наука телевидения*, 19(1), 175–198. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198>
Rudnova, N.A., Kornienko, D.S., Volkova, E.N., Isaeva, O.M. (2023). Digital parental mediation and its relationship with psychological well-being indicators in school-aged children. *The Art and Science of Television*, 19(1), 175–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198>
16. Савченко, Н.Л., Петракова, А.В., Сиян, М.В. (2025). По дороге из детского сада: о чем говорят с детьми родители, придерживающиеся разных стилей воспитания. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 18(4), 159–177. <https://doi.org/10.11621/TEP-25-34>
Savchenko, N.L., Petrakova, A.V., Siyan, M.V. (2025). On the way from kindergarten: what parents following different parenting styles talk about with their children. *Theoretical and Experimental Psychology*, 18(4), 159–177. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/TEP-25-34>
17. Смирнова, С.Ю., Клопотова, Е.Е. (2023). Взаимодействие детей с цифровыми устройствами: обзор исследований и рекомендаций. *Современная зарубежная психология*, 12(4), 91–100. <https://doi.org/10.17759/jmpf.2023120408>
Smirnova, S.Yu., Klopotova, E.E. (2023). Children's interaction with digital devices: A review of research and recommendations. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 12(4), 91–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmpf.2023120408>
18. Собкин, В.С., Рябкова, И.А., Антупьева, Н.Е., Соколова, М.С. (2025). Психологические особенности восприятия и понимания дошкольниками главных героев мультфильма. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(3), 189–220. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-30>
Sobkin, V.S., Ryabkova, I.A., Antufueva, N.E., Sokolova, M.S. (2025). Psychological aspects of preschoolers' perception and understanding of the main cartoon characters. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(3), 189–220. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-30>
19. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ: ред. от 30.11.2024: с изм. и доп., вступ. в силу с 30.11.2024. (2010). М.
On protection of children from information harmful to their health and development: Federal Law No. 436-FZ of December 29, 2010: ed. of November 30, 2024: with amendments and additions, in force since November 30, 2024. (2010). Moscow. (In Russ.).
20. Шиян, О.А. (2022). Смешное и страшное в детских нарративах: когнитивный аспект. *Национальный психологический журнал*, 3(47), 44–51. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0306>
Shiyan, O.A. (2022). Funny and scary in children's narratives: Cognitive aspect. *National psychological journal*, 3(47), 44–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0306>
21. Andersen, M.M., Schjoedt, U., Price, H., Rosas, F.E., Scrivner, C., Clasen, M. (2020). Playing With Fear: A Field Study in Recreational Horror. *Psychological Science*, 31(12), 1497–1510. <https://doi.org/10.1177/0956797620972116>
22. Chu, C., Paatsch, L., Kervin, L., Edwards, S. (2024). Digital play in the early years: A systematic

- review. *International Journal of Child-Computer Interaction*, 40, 100652. <https://doi.org/10.1016/j.ijcci.2024.100652>
23. Edwards, S. (2023). Concepts for early childhood education and care in the postdigital. *Postdigital Science and Education*, 5, 777–798. <https://doi.org/10.1007/s42438-022-00356-7>
24. Fitzpatrick, C., Binet, M.-A., Cristini, E. (2024). Reducing harm and promoting positive media use strategies: New perspectives in understanding the impact of preschooler media use on health and development. *Psicologia: Reflexão e Crítica*, 37(1). <https://doi.org/10.1186/s41155-023-00262-2>
25. Guseva, U.D., Bukhalenkova, D.A., Morozova, O.V. (2025). Relationship Between Value Orientations and Emotion Understanding in Preschoolers. *New Ideas in Child and Educational Psychology*, 1-2(5), 67–83. <https://doi.org/10.11621/nicep.2025.0504>
26. Henderson, D., Bailes, T., Sturza, J. et al. (2024). YouTube for young children: what are infants and toddlers watching on the most popular video-sharing app? *Frontiers in Developmental Psychology*, 2, 1335922. <https://doi.org/10.3389/fdpsy.2024.1335922>
27. Kim, S., Favotto, L., Halladay, J. et al. (2020). Differential associations between passive and active forms of screen time and adolescent mood and anxiety disorders. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 55(11), 1469–1478. <https://doi.org/10.1007/s00127-020-01833-9>
28. Korhonen, P., Lahikainen, A.R. (2008). Recent trends in young children's television-induced fears in Finland. *Journal of Children and Media*, 2(2), 147–162. <https://doi.org/10.1080/17482790802078664>
29. Kruuse, K., Kalmus, V. (2016). Supernatural Creatures, Accidents, and War: Young Children's Television-related Fears and Coping Strategies. *Television & New Media*, 18(4), 328–344. <https://doi.org/10.1177/1527476416652692>
30. Liu, R., Bell, M.A. (2020). Fearful Temperament and the Risk for Child and Adolescent Anxiety: The Role of Attention Biases and Effortful Control. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 23, 205–228. <https://doi.org/10.1007/s10567-019-00306-z>
31. Milani, L., Camisasca, E., Ionio, C., Miragoli, S., Di Blasio, P. (2020). Video games use in childhood and adolescence: Social phobia and differential susceptibility to media effects. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*, 25(2), 456–470. <https://doi.org/10.1177/1359104519882754>
32. Muris, P., Merckelbach, H., Gadet, B., Moulart, V. (2000). Fears, worries, and scary dreams in 4- to 12-year-old children: Their content, developmental pattern, and origins. *Journal of Clinical Child Psychology*, 29(1), 43–52. https://doi.org/10.1207/S15374424jccp2901_5
33. Nikolaeva, E.I., Kalabina, I.A., Progackaya, T.K., Ivanova, E.V. (2023). Ground Rules for Preschooler Exposure to the Digital Environment: A Review of Studies. *Psychology in Russia: State of the Art*, 16(4), 37–54. <https://doi.org/10.11621/pir.2023.0403>
34. Pattee, A. (2022). “[A] story about a child is scarier than one about an adult roughly 80% of the time”: Creepypasta, Children's media, and the child in media discourse. *Childhood*, 29(2), 204–218. <https://doi.org/10.1177/09075682221093843>
35. Pearce, L.J., Field, A.P. (2015). The Impact of “Scary” TV and Film on Children's Internalizing Emotions: A Meta-Analysis. *Human Communication Research*, 42(1), 98–121. <https://doi.org/10.1111/hcre.12069>
36. Qiu, Z.Y., Yoke, S.K. (2024). The Impact of Gender Stereotypes in Children's Picture Books on Children: A Review. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 14(8), 2106–2118.
37. Radesky, J., Bridgewater, E., Black, S. et al. (2024). Algorithmic Content Recommendations on a Video-Sharing Platform Used by Children. *JAMA Network Open*, 7(5), e2413855. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2024.13855>
38. Reynolds, K. (2008). [Review of Why Fairy Tales Stick: The Evolution and Relevance of a Genre, by J. Zipes]. *The Modern Language Review*, 103(2), 503–504. <https://doi.org/10.2307/20467798>
39. Rideout, V., Robb, M.B. (2020). The Common Sense census: Media use by kids age zero to eight, 2020. San Francisco, CA: Common Sense Media.
40. Taranu, M., Clasen, M., Rosas, F.E., Dodd, H., Andersen, M.M. (2025). Recreational Fear Across Childhood. A Cross-Sectional Study of Scary Activities that Children Enjoy. *Child Psychiatry and Human Development*, Preprint. <https://doi.org/10.1007/s10578-025-01850-2>
41. Türen, Ş., Bağçeli Kahraman, P. (2025). The predictive relationships between children's digital game addiction tendencies and mothers' digital parenting awareness and digital literacy levels. *Educ Inf Technol*, 30, 3115–3144. <https://doi.org/10.1007/s10639-024-12932-4>
42. Wilson, B.J. (2008). Media and children's aggression, fear, and altruism. *The Future of Children*, 18(1), 87–118. <https://doi.org/10.1353/foc.0.0005>
43. Wu, Y., Xi, X., Zhang, C., Jiang, J., Ye, S. (2025). Effect of intervention on screen time in preschoolers: a systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials. *BMC Public Health*, 25, 1006. <https://doi.org/10.1186/s12889-025-23700-5>

Информация об авторах

Дарья Алексеевна Бухаленкова, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований»; доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4523-1051>, e-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

Маликат Шамильевна Михитаева, аспирант, кафедра психологии образования и педагогики, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8764-3108>, e-mail: mikhitaevam@gmail.com

Information about the authors

Darya A. Bukhalenkova, Candidate of Sciences (Psychology), Junior Researcher at the Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research; Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4523-1051>, e-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

Malikat Sh. Mikhitaeva, Postgraduate Student, Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8764-3108>, e-mail: mikhitaevam@gmail.com

Вклад авторов

Бухаленкова Д.А. — идеи исследования; планирование исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи.

Михитаева М.Ш. — планирование исследования; сбор и анализ данных; применение статистических, математических или других методов для анализа данных; написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Daria A. Bukhalenkova — ideas; research planning; annotating, writing, and formatting the manuscript.

Malikat Sh. Mikhitaeva — planning of the research; data collection and analysis; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; writing and design of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Комиссией по этике научных исследований ФНЦ ПМИ (протокол от 19.12.2025 № 4).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Research Ethics Committee of the Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research (report no 4, 2025/12/19).

Поступила в редакцию 20.07.2025

Поступила после рецензирования 02.04.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.07.20

Revised 2026.04.02

Accepted 2026.06.04

Published 2026.06.30